

18+

Мари О

ТОЧКА НЕВОЗВРАТА

Трагедии начинаются с тишины

Мари О

**Точка невозврата. Трагедии
начинаются с тишины**

<https://litres.ru/74225507>

ISBN 9785007039505

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Он стоял в аудитории с винтовкой, чтобы заставить мир заплатить за свою боль. Но остановился на одном выстреле. Теперь гениальный Итан Коул использует свой изломанный разум, чтобы создать алгоритм, который спасает других подростков от точки невозврата. Но когда его система находит идеальную копию самого себя, он понимает: чтобы спасти одну жизнь, ему придётся вступить в игру, где ставка — его собственная свобода.

Содержание

Предисловие	5
Пролог	7
Глава 1. Обычный вторник	14
Глава 2. Трещина в стекле	21
Глава 3. Архитектура боли	31
Глава 4. Цена выстрела	39
Глава 5. Судный день	44
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Точка невозврата Трагедии начинаются с тишины

Мари О

© Мари О, 2026

ISBN 978-5-0070-3950-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Мы привыкли думать о школах и университетах как о безопасных гаванях. Места, где мы встречаем друзей на всю жизнь, находим своё призвание и строим планы на будущее. Но эта иллюзия безопасности рушится в один миг, когда хаос прорывается изнутри.

Эта история — не про героя, спасающего мир. И даже не про злодея, который хочет его разрушить. Это честный рассказ об одном человеке, которого сломали насилие, травля и ледяное равнодушие окружающих. Я хочу, чтобы вы заглянули за ярлык «монстр», который общество так легко навешивает на таких людей, и увидели там человека. Потому что монстрами не рождаются — их создают шаг за шагом, день за днём.

Здесь нет оправдания насилию. Но есть попытка понять его истоки. Мы пройдем путь от первой детской обиды до той самой точки невозврата, а затем увидим отчаянную попытку собрать из осколков собственной жизни нечто созидательное.

Это история о том, как один выстрел может навсегда изменить мир одного человека. И о том, как этот же человек решает попытаться спасти других, используя единственное оружие, которое у него осталось, — свой разум.

Приготовьтесь. Эта история начинается как трагедия,

*но перерастает в напряжённый психологический триллер, где главным оружием становится не пуля, а строчка кода.
Добро пожаловать в историю Итана Коула.*

Пролог

Холодный металл под пальцами казался живым существом. Он пульсировал в такт бешеному сердцебиению Итана, лежащего на полу тесной подсобки, примыкающей к главной аудитории гуманитарного корпуса. Воздух здесь пах пылью, хлоркой и чем-то кислым — запахом отчаяния. За тонкой фанерной дверью гудел университет. Там кипела жизнь, которую он ненавидел каждой клеткой своего тела.

Итан медленно провел ладонью по шершавой поверхности винтовки, спрятанной в футляр от контрабаса. Идеальная маскировка. Никто даже не взглянул дважды на долгового парня с инструментом. Для них он был невидимкой. Призраком. До сегодняшнего дня.

«Ты готов?» — спросил голос в его голове. Голос отца. Низкий, хриплый, пропитанный дешевым бурбоном. Этот вопрос он слышал всю свою жизнь. *Готов ли ты терпеть? Готов ли ты молчать?*

— Я больше не буду молчать, — прошептал Итан в пустоту. Его шепот прозвучал пугающе громко в звенящей тишине комнаты.

Внезапно дверь дрогнула. Кто-то дернул ручку снаружи. Сердце пропустило удар и ухнуло куда-то в пятки. Паника ледяной волной окатила позвоночник. Неужели нашли? Так скоро?

Дверь снова дернулась, но осталась закрытой. Затем слышалось раздраженное бормотание и удаляющиеся шаги. Итан выдохнул, чувствуя, как дрожат руки. Он закрыл глаза, и привычная темнота тут же взорвалась калейдоскопом картинок прошлого. Воспоминание всегда било без предупреждения, словно электрический разряд.

Ему двенадцать. Лето. Жара плавит асфальт на заднем дворе их дома в Огайо. Отец стоит над ним, огромный, как гора, заслоняя солнце. В руке у него ремень. Кожаный, старый, с тяжелой металлической пряжей.

— Ты опять принес тройку по математике, щенок? — рычит отец. Запах перегара обжигает ноздри. — Ты позоришь меня! Весь в мать. Такая же никчемная тряпка!

Удар. Ремень рассекает воздух со свистом. Удар приходится по плечу, прожигая футболку. Боль ослепляет, но хуже боли — стыд. Соседи наверняка слышат. Они всегда делают вид, что ничего не происходит, когда видят Итана с синяками.

— Папа, пожалуйста... — скулит он, пытаясь закрыться руками.

— Молчать! — новый удар, сильнее прежнего. — Ты будешь делать то, что я скажу. Или ты ничтожество. А ничтожеств я выбрасываю.

Отец хватает его за шкурку, поднимая с земли так легко,

будто он весит не больше котенка. Глаза мужчины налиты кровью.

— Ты понял меня, Итан? Понял?!

— Да... да, папа...

Картинка треснула и разлетелась на тысячи осколков, возвращая его в реальность. В нос снова ударил запах пыли. Но теперь к нему примешивался другой аромат. Легкий, цветочный. Лаванда. Тот самый парфюм.

Эмили.

Его ангел. Единственная причина, почему он еще вчера сомневался. Она сидела на три ряда левее в этой самой аудитории. Золотистые волосы, собранные в небрежный хвост, тонкие пальцы, сжимающие ручку. Когда она улыбалась ему после лекции по психологии, мир на секунду переставал быть черно-белым. Она видела в нем человека. Интересного, сложного, сломанного, но человека.

Но сегодня утром всё изменилось. Сегодня они перешли черту.

Он вспомнил коридор главного здания. Как они окружили его. Брендан, капитан футбольной команды, и его прихвостни. Их смех эхом отдавался от кафельных стен, отражаясь от портретов великих ученых.

— Эй, псих! — крикнул кто-то. — Опять несешь свой гроб на колесиках?

Они имели в виду чехол от контрабаса. Они всегда изде-

вались над этим. Над его музыкой. Над его попыткой убежать от реальности в звуки Баха.

Брендан подошел вплотную, дыша мятой жвачкой.

— Говорят, ты клеишься к нашей малышке Эмили? — процедил он сквозь зубы. — Оставь её в покое. Ей нужны настоящие мужики, а не такие фрики, как ты, которые писают в постель при виде паука.

Смех стал громче. Кто-то толкнул его в плечо. Чехол упал на пол с глухим стуком.

— Проверь, что там у него, — приказал Брендан. — Может, он носит труп своей бабушки?

Один из парней наклонился к чехлу, щелкнул замками. Мгновение тишины. Все уставились внутрь.

Лицо Брендана исказилось. Смех оборвался. В глазах появился страх. Животный, первобытный ужас. Именно этого взгляда добивался Итан все эти годы. Чтобы они боялись. Чтобы они почувствовали себя беспомощными.

— Ты больной сукин сын, — прошептал Брендан, отступая назад.

— Нет, — спокойно ответил Итан, закрывая чехол. — Я просто устал быть жертвой.

Это было решение. Спусковой крючок был нажат не пальцем, а словом. Словом «фрик».

Снаружи раздался звонок. Резкий, дребезжащий звук, возвещающий начало пары. Через пять минут аудитория за-

полнится сотней людей. Сотней лиц, которые видели его унижение или равнодушно проходили мимо. Лицами, которые были частью системы, сломавшей его.

Голос отца в голове снова ожил, но теперь он звучал одобрительно.

«Вот теперь ты готов, сынок. Покажи им».

Итан медленно поднялся на ноги. Колени предательски тряслись, но руки уже не дрожали. Он проверил обойму. Полная. Щелчок затвора показался оглушительным, хотя это была лишь иллюзия. Настоящая тишина наступит позже.

Он сделал глубокий вдох, задержал дыхание, а затем резко распахнул дверь подсобки.

Свет ударил в глаза. Коридор был пуст. Где-то впереди хлопали двери аудиторий, шаркали сотни ног. Скоро начнется лекция профессора Хендрикса по социальной психологии. Интересно, что бы он сказал сейчас? Наверное, что-нибудь про стадное чувство и деиндивидуализацию толпы. Про то, как толпа превращает людей в животных.

Итан поправил лямку чехла на плече и пошел вперед. Ему навстречу двигалась группа первокурсников. Они смеялись, обсуждая вчерашнюю вечеринку. Девушка с розовым рюкзаком задела его локтем и, даже не извинившись, продолжила болтать.

Никто не смотрел на него. Он был невидимкой.

До поры до времени.

Он остановился перед массивной деревянной дверью

аудитории №205. Положил руку на холодную латунную ручку. Металл обожег кожу холодом. За этой дверью сидела Эмили. Возможно, она смотрела на часы, ожидая начала занятия. Возможно, думала о нем.

Он нажал на ручку вниз. Замок тихо щелкнул.

Время вышло.

Дверь начала открываться внутрь, впуская в душный класс сквозняк и фигуру высокого юноши с тяжелым футляром в руках. Лица студентов начали поворачиваться в его сторону. Десятки пар глаз. Любопытных, сонных, скучающих.

Их взгляды скользнули по нему и вернулись к телефонам. Кроме одного.

На третьей парте слева Эмили подняла голову. Её улыбка, предназначенная вошедшему преподавателю, замерла на губах. Она узнала его. Узнала этот пустой, мертвый взгляд. Взгляд человека, который уже находится по ту сторону черты.

Она открыла рот, чтобы что-то сказать. Позвать? Предупредить? Окликнуть по имени?

Поздно.

Чехол с глухим стуком упал на паркет.

Рука нырнула внутрь.

Мир перестал существовать. Остался только звук выстрела.

Глава 1. Обычный вторник

Вторник всегда был худшим днём недели. Не потому, что он следовал за понедельником с его суматохой новых вводных, а потому, что именно по вторникам у первокурсников-биологов проходила лабораторная работа в паре. Работа в паре означала необходимость говорить, смотреть в глаза другому человеку и координировать свои действия. Для Итана Коула это было равносильно прохождению через минное поле с завязанными глазами.

Утро выдалось серым и промозглым, типичным для октября в этом штате. Небо нависало над кампусом свинцовой крышкой, готовой придавить всё живое. Итан натянул капюшон своей толстовки ещё глубже, хотя дождя не было. Капюшон служил ему доспехом, маскировкой, позволяющей стать частью фона — просто тёмным силуэтом на фоне кирпичных стен университета.

Он шёл по главной аллее, прижимая к себе чехол от контрабаса так, словно это была единственная вещь в мире, принадлежавшая ему по праву. Инструмент внутри был холодным и безмолвным, но его тяжесть действовала успокаивающе. Это был его якорь в реальности, где всё остальное казалось зыбким и враждебным.

— Гляди-ка, гробовщик идёт! Опять свою скрипку несёт,

— раздался голос откуда-то справа.

Итан инстинктивно втянул голову в плечи и ускорил шаг, не оборачиваясь. Он узнал этот голос. Брендан. Звезда футбольной команды и главный катализатор его ежедневного унижения. Слова были пустыми, отработанными годами шуткой, но они били точно в цель. «Гробовщик». Насмешка над его вечной чёрной одеждой, над его молчаливостью, над самой попыткой найти утешение в музыке, которую эти дикари считали уделом неудачников.

Он нырнул в боковую дверь корпуса естественных наук, избегая главного входа, где концентрация людей была максимальной. Запах хлорки и старых учебников встретил его как старого друга. Здесь было тихо. Безопасно.

До аудитории 205 оставалось пройти всего один коридор. Итан замедлил шаг, глядя на своё отражение в тонированном стекле двери лаборатории органической химии. Высокий, нескладный парень. Тени под глазами — результат очередной бессонной ночи, проведённой за чтением форумов или игрой на инструменте. В отражении он видел загнанного зверя. Животное, которое чувствует приближение охотников.

«Просто зайди, сделай работу и выйди. Ничего не говори. Не смотри никому в глаза. Ты невидим, — приказал он сам себе. Внутренний монолог был его единственной формой самообороны. Голос в голове звучал ровно и логично, в отличие от панического стука сердца.

Он толкнул дверь аудитории 205. Помещение уже наполовину заполнилось студентами. Стоял ровный гул голосов, смех, звон телефонов. Этот шум физически давил на барабанные перепонки Итана, вызывая лёгкую тошноту. Он нашёл свой стол. Третий ряд слева. Его место.

На парте уже лежала папка с методичками. Его напарника ещё не было. Отлично. У него есть несколько минут, чтобы настроиться. Он достал из рюкзака тетрадь и ручку, разложил их идеально параллельно краю стола. Ритуал. Маленький островок контроля в океане хаоса.

Дверь снова открылась, впуская порыв холодного воздуха и её.

Эмили Картер. Она вошла легко, почти танцуя, смеясь какой-то шутке девушки, шедшей рядом. На ней был уютный бежевый свитер крупной вязки, джинсы и белые кроссовки. От неё пахло лавандой и чем-то сладким, фруктовым. Она была воплощением той нормальной, счастливой студенческой жизни, к которой Итан мог прикоснуться лишь издали, как к экспонату в музее за стеклом.

Она скользнула взглядом по аудитории, и на секунду их взгляды встретились. Итан замер, боясь пошевелиться. Но она не отвернулась с презрением и не усмехнулась. Вместо этого уголки её губ дрогнули в едва заметной, дружелюбной улыбке. Она кивнула ему — скорее себе, признавая факт его присутствия, — и прошла дальше по ряду, направляясь к своему месту... которое находилось прямо перед ним.

Сердце Итана пропустило удар, а затем забилось с удвоенной скоростью, но уже не от страха, а от какого-то незнакомого, щемящего чувства. Теплоты? Надежда — опасная штука, и он знал это лучше других. Он поспешно опустил взгляд в раскрытую тетрадь, уставившись на чистый лист так, будто там были написаны ответы на все вопросы вселенной.

Профессор Хендрикс, шаркая ногами, вошёл в аудиторию, прерывая разговоры. Началась лекция. Итан писал конспект автоматически, рука сама выводила формулы и схемы, пока мозг был занят другим. Он чувствовал затылком её присутствие. Слышал тихий шелест страниц её блокнота. Один раз её локоть случайно коснулся его руки, когда она потянулась за упавшей ручкой. Это было мимолетное, случайное касание, но кожу Итана обожгло, словно от удара током. Он резко отдернул руку, чуть не опрокинув свою чашку с кофе.

Когда пришло время лабораторной работы, Эмили развернулась на стуле.

— Привет, — сказала она мягко. Её голос был таким же приятным, как и её запах. — Я Эмили. Похоже, мы напарники.

Итан смотрел на протянутую ему руку. Тонкие пальцы, аккуратный маникюр. Просто маленькая ладонь. Но для него это был барьер, стена. Принять эту руку означало вступить в контакт, открыться. А что, если он сделает что-то не так?

Что, если его ладонь вспотеет? Или дрожь выдаст его страх?
— Итан, — выдавил он, не двигаясь с места.

Она не убрала руку. Она просто ждала, терпеливо и без осуждения.

— Приятно познакомиться, Итан. Так что, приступим? Нам нужно выделить ДНК из клеток эпителия.

Это был выход. Наука. Холодная, беспристрастная наука. То, в чём он был уверен. Он медленно, очень медленно поднял свою руку и неловко пожал её ладонь. Пальцы у неё оказались тёплыми и сухими. Контакт длился долю секунды.

— Да, — сказал он громче, чем намеревался. — Конечно. Сначала нужно приготовить лизирующий буфер.

Они работали в молчании. Итан делал всё сам: взвешивал реагенты, смешивал растворы, настраивал центрифугу. Эмили не мешала, лишь внимательно наблюдала, иногда задавая уточняющие вопросы. Её интерес был искренним. Она не пыталась доминировать или показать своё превосходство. Она просто хотела сделать работу.

За десять минут до конца пары она нарушила тишину:

— У тебя здорово получается. Гораздо лучше, чем у меня на первом курсе. Ты планируешь идти в науку после выпуска?

Вопрос застал его врасплох. Никто никогда не спрашивал его о будущем с интересом. Обычно это были насмешки: «Эй, фрик, кем ты будешь? Могильщиком?»

— Да, — ответил он, удивляясь звуку собственного голоса. — Генетика. Возможно, молекулярная биология.

— Круто. Мой отец тоже хотел быть врачом, но стал юристом. Говорит, что медицина слишком выматывает эмоционально. Наверное, в науке много разочарований?

Разговор. Настоящий разговор. Итан рискнул поднять на неё глаза. Она смотрела на него открыто, с любопытством, ожидая ответа.

— Разочарования — это часть процесса, — сказал он, и слова полились сами собой. — Если бы всё получалось с первого раза, это было бы скучно. Ошибки показывают, куда двигаться дальше. Они... честные.

Эмили задумчиво кивнула, словно эта мысль была для неё новой и ценной.

— Интересный взгляд. Никогда не думала об этом в таком ключе.

Звонок прозвенел резко и неожиданно, обрывая нить разговора. Студенты повскакивали с мест, собирая вещи, создавая привычную суету. Эмили начала складывать ручки в пенал.

— Было приятно поработать вместе, Итан, — сказала она, вставая. — До завтра.

— До завтра, — эхом отозвался он.

Она ушла, растворилась в толпе, оставив после себя лишь легкий аромат лаванды. Итан остался сидеть за столом, глядя

на пробирку с мутноватым раствором ДНК на дне. Обычный вторник закончился.

Но сидя в пустой аудитории, слушая затихающий вдали топот сотен ног, Итан позволил себе нечто запретное. Он позволил себе почувствовать крошечную искру тепла. Искру надежды. Впервые за долгое-долгое время кто-то увидел в нём не объект для насмешек, не странного одиночку, а человека со своими мыслями и мечтами.

А потом реальность вернулась. Он вспомнил утреннюю встречу с Бренданом. Вспомнил ухмылку на его лице. Эта искра погасла так же быстро, как и зажглась. Надежды нет. Есть только боль и возмездие.

Итан закрыл тетрадь, взял чехол с контрабасом и вышел в серый коридор. Впереди был ещё один обычный день. Последний.

Глава 2. Трещина в стекле

Детектив Маркус Рид нажал кнопку на диктофоне. Красный огонек мигнул, продолжая запись.

— На чем мы остановились? — спросил он, не глядя на Итана. Взгляд детектива был прикован к экрану ноутбука, где медленно ползла полоса загрузки какого-то файла. — Ах да. Ты говорил о своем отце. О том, что он считал тебя ничтожеством.

Итан сидел неподвижно, словно статуя. Наручники тихо звякнули, когда он переменял позу, пытаясь унять ноющую боль в затекших запястьях. Он смотрел на свое отражение в темном стекле зеркала на стене. Оттуда на него глядел бледный юноша с синяками под глазами. Лицо человека, который давно не спал по-настоящему.

— Это было не просто мнение, — голос Итана стал тише, почти шепот. — Это была аксиома. Закон физики в нашем доме. Роберт Коул был... он был гравитацией. А я — пылинкой, которая обязана упасть к его ногам.

Десять лет назад.

Запах жареного бекона обычно означал утро выходного

дня. Но в их доме этот запах всегда смешивался с другим — едким, кислым запахом вчерашнего пива и дешевого виски. Итан осторожно спускался по лестнице, стараясь не скрипнуть третьей ступенькой снизу. Отец ненавидел, когда дом просыпался раньше него.

На кухне отец стоял у плиты. Огромная гора мышц в растянутой майке. Спина напряжена так, будто он держит на плечах весь мир. Или, скорее, пытается раздавить того, кто стоит рядом. Рядом стояла мать Итана, Лаура. Она замерла, опустив голову, пока муж переворачивал бекон. В её руке дрожала чашка с кофе.

— Я сказал «два яйца», женщина, — прорычал отец, даже не оборачиваясь. Голос был низким, вибрирующим от скрытой ярости. — Глазунью. А ты опять сварила эти сопли всмятку.

— Прости, Роб, я...

— Что «прости»? Мне плевать на твои «прости». Меня от них тошнит. Ты бесполезна. Как сломанный тостер.

Он резко развернулся и швырнул лопатку для сковороды в раковину. Металл лязгнул о металл. Мать вздрогнула, расплескав кофе себе на руку, но не издала ни звука. Она просто поставила чашку и начала доставать новые яйца.

Двенадцатилетний Итан застыл в дверях кухни, сжимая в

руках учебник математики. Он видел эту сцену сотни раз. Видел, как отец уничтожает их обоих одним словом, одним взглядом. Но сегодня что-то изменилось. Сегодня он увидел не страх в глазах матери. Он увидел пустоту. Полное, абсолютное смирение.

Это напугало его больше всего.

Отец заметил движение боковым зрением. Его взгляд метнулся к сыну. Глаза были красными, налитыми кровью.

— Чего уставился, щенок? — рявкнул он. — Опять принес плохую оценку?

— Нет, пап. У меня четверка за контрольную, — быстро соврал Итан. Четверка была бы чудом, но он знал, что правда сейчас опаснее лжи.

— Четверка? — отец усмехнулся, но это была холодная, безрадостная ухмылка хищника. — Значит, ты посредственность. Ни рыба ни мясо. Не можешь быть лучшим, но и худшим быть боишься. Знаешь, кто такие люди, Итан? Они — дерьмо. Все до единого. Друзья предадут, женщины бросят, а жизнь будет бить тебя, пока не сломаешься. Единственный человек, на которого можно положиться — это ты сам. А ты... ты даже себя защитить не можешь.

Роберт схватил со стола газету и с хрустом свернул её в трубку.

— Подойди сюда, — приказал он.

Итан сделал шаг вперед, потом еще один. Ноги стали ватными. Он остановился в двух метрах от отца.

— Ближе.

Еще полшага. Воздух в кухне сгустился, стало трудно дышать. Отец замахнулся газетной трубкой. Не сильно, скорее демонстративно. Хотел ударить по плечу или спине, чтобы поставить точку в разговоре. Но Итан инстинктивно вскинул руки, защищая голову. Газета хлестко ударила по предплечью.

Боль была острой, жгучей, но она была ничем по сравнению с унижением.

— Вот видишь! — торжествующе воскликнул отец. — Рефлексы животного! Ты даже удара нормально принять не можешь!

Мать тихо охнула, но тут же зажала рот рукой. Она знала правила игры: если вмешиваешься, получаешь вдвое больше.

— Сними рубашку, — бросил отец, теряя интерес. — Покажу тебе, как нужно держать удар, чтобы завтра эти придурки в школе не смеялись над тобой.

Это было самое страшное предложение. Тренировки отца никогда не заканчивались простым спаррингом. Они заканчивались синяками, выбитым дыханием и уроком: *Мир жесток, привыкай*».

Итан попятился назад, мотая головой.

— Папа, нет... пожалуйста.

Лицо Роберта окаменело. Пьяная ярость сменилась ледяной, расчетливой злобой.

— Ты отказываешься слушать отца? — вкрадчиво спросил он. — Ты проявляешь неуважение?

Он сделал шаг к сыну. Итан понял, что бежать нельзя. Побег — это признание вины, которое карается жестче неповиновения. Он сжался в комок, закрывая руками живот и лицо.

Удар пришелся сбоку, в ребра. Воздух вылетел из легких со свистом. Итан упал на линолеум, скорчившись от боли.

— Запомни это чувство, сынок, — голос отца звучал откуда-то сверху, искаженный и гулкий. — Чувство беспомощности. Когда-нибудь ты поймешь, что единственный способ перестать его чувствовать — это заставить бояться других.

Настоящее время. Полицейский участок.

Итан моргнул, возвращаясь в реальность допросной. Детектив Рид наконец оторвался от экрана и посмотрел прямо на него. Во взгляде копа не было осуждения. Только профессиональная усталость и глубокая, тяжелая скука человека, который слышал тысячи подобных историй.

— Знакомый сценарий, — спокойно констатировал Рид.

— Классический цикл насилия. Отец-абыюзер, пассивная мать, ребенок-жертва. Психиатры называют это формированием выученной беспомощности. Ты научился тому, что сопротивление бесполезно. Пока ты был ребенком. Но потом ты вырос. И что-то щелкнуло, верно? Тебе надоело быть жертвой.

Итан поднял глаза. Впервые за все время разговора в них мелькнуло что-то похожее на уважение. Этот человек понимал механику зла лучше, чем любой школьный психолог.

— Вы правы, — выдохнул Итан. — Щелкнуло. Но не тогда, когда я вырос. Позже. Гораздо позже. В университете. Когда я встретил её.

Он снова закрыл глаза. Образ Эмили всплыл в памяти, но теперь он был окрашен в другие тона. Золотистые волосы, улыбка в лаборатории... и тот самый момент, когда всё пошло прахом.

Две недели назад.

Университетская столовая. Шум стоял невыносимый. Сотня голосов сливались в монотонный гул, от которого у Итана начиналась мигрень. Он нашел укромный уголок у окна, подальше от основного потока людей, и торопливо поглощал свой обед — безвкусный сэндвич и яблоко. Чехол от контрабаса лежал на соседнем стуле, верный страж его оди-

ночества.

Внезапно шум столовой перекрыл громкий, уверенный смех. Итан узнал его мгновенно. Брендан и его компания двигались через зал, как атомный ледокол сквозь льды, раздвигая толпу. Они направлялись прямо к нему.

Итан попытался стать меньше, вжаться в стену, надеясь, что они пройдут мимо. Напрасная надежда.

— Смотрите-ка, наш местный призрак решил подкрепиться, — провозгласил Брендан, останавливаясь у его стола. За его спиной маячили двое его дружков-амбалов. — Эй, фрик. Говорят, твоя мамаша снова звонила в деканат? Просила, чтобы тебе разрешили сдавать экзамены в отдельной комнате, потому что ты писаешься при виде пауков?

Смех за столом Брендана стал громче. Кто-то из проходивших студентов тоже начал посмеиваться, присоединяясь к веселью короля кампуса.

— Оставьте его в покое, — прозвучал знакомый голос.

Эмили. Она подошла сзади, держа в руках поднос с салатом. Её лицо было серьезным, брови нахмурены. Она встала рядом с Итаном, словно собираясь защищать его.

Сердце Итана рухнуло в пятки. Нет. Только не это. Ему не нужна была защита. Спаситель — это еще одна форма жалости. Еще одно доказательство его неполноценности.

— О, малышка Эмили, — протянул Брендан, картинно прижимая руку к сердцу. — Ты разбиваешь мне сердце. За-

чем тебе этот неудачник? Пойдем со мной, я покажу тебе, как живут настоящие мужчины.

— Он мой партнер по лабораторным, Брендан. Просто дай ему поесть.

Брендан перегнулся через стол, нависая над Итаном. От него пахло дорогим одеколоном и самоуверенностью.

— Понимаю, — прошептал он достаточно громко, чтобы слышали все. — Ты хочешь помочь сиротке. Благородно. Но знаешь, говорят, что такие тихони, как он, самые опасные. Внешне забитые, а внутри... психопаты. Копят обиду годами, а потом приходят с пушкой в школу.

Слова повисли в воздухе. Смех стих. В столовой воцарилась тишина. Несколько десятков пар глаз устремились на Итана. В этих взглядах читалось не только насмешливое любопытство, но и настороженность. Страх. Тот самый первобытный страх перед неизвестным, который Брендан только что вложил им в головы.

Эмили посмотрела на Итана. В её глазах впервые мелькнуло сомнение. Она переводила взгляд с его бесстрастного лица на ухмыляющегося Брендана и обратно. Она пыталась сопоставить образ тихого студента, помогавшего ей с ДНК, со словами популярного парня.

Итан встал. Медленно. Стул проскрежетал ножками по полу, заставив всех вздрогнуть.

— Он прав, — неожиданно громко произнес Итан. Свой

собственный голос показался ему чужим. Твердым. Холодным. Он посмотрел прямо в глаза Эмили, игнорируя Брендана. — Я психопат. Держись от меня подальше.

Он схватил чехол и, не оглядываясь, пошел прочь из столовой. Он шел сквозь расступающуюся толпу, чувствуя на себе взгляды. Теперь в них не было насмешки. Там был страх. Брендан добился своего. Он превратил невидимку в чудовище.

Но главное — Итан видел взгляд Эмили. Она смотрела ему вслед с ужасом и разочарованием. Мост, который они начали строить в лаборатории, сгорел дотла. Она поверила. Поверила в то, что он — угроза.

Той ночью Итан долго не мог уснуть. Лежа в своей съемной квартире-студии, он прокручивал в голове события дня. Насмешки. Жалость. А теперь вот — страх. Три стадии отношения мира к нему.

А потом он вспомнил слова отца: *«Единственный способ перестать чувствовать беспомощность — это заставить бояться других».*

Стекло дало трещину. Идея, зародившаяся как мимолетная мысль, начала пускать корни, оплетая сознание ядовитым плющом. Если они считают его психопатом... почему бы не дать им то, чего они хотят? Почему бы не стать тем, кого боятся по-настоящему?

— Так значит, это была она? — голос детектива Рида вырвал его из воспоминаний. — Девушка стала катализатором? Последней каплей?

Итан горько усмехнулся, глядя на свои скованные руки.

— Не катализатором. Финальным штрихом. Она увидела правду. Ту, которую я прятал даже от самого себя. Она увидела монстра. И я решил... соответствовать ожиданиям.

Глава 3. Архитектура боли

Детектив Маркус Рид молчал почти минуту. Он не делал записей, не задавал вопросов. Просто смотрел на юношу перед собой, словно пытаясь сопоставить образ этого худого, сломленного парня с тем, кто несколько часов назад держал в руках оружие. Тишина была тактикой. Давление тишиной часто ломает людей быстрее, чем крик.

— «Соответствовать ожиданиям», — наконец повторил Рид, смакуя слова. — Интересный выбор формулировки. Значит, ты решил сыграть роль монстра, которую тебе навязали? Не просто отомстить, а... стать кем-то другим?

Итан медленно кивнул. Его взгляд был прикован к точке на столе, где лак облупился, обнажая слой дешевого ДСП под ним. Как он сам.

— Я перестал быть Итаном Коулом в тот момент, когда она посмотрела на меня с ужасом. В ту секунду я умер. А то, что родилось вместо него... оно не знало жалости.

Три недели до трагедии

Квартира-студия Итана была идеальным отражением его внутреннего мира: тесная, холодная и функциональная. Ми-

нимум мебели, идеально заправленная кровать, стопка учебников по химии на подоконнике. Единственное украшение — черный чехол от контрабаса, стоящий у стены как надгробный памятник его прошлой жизни.

Он сидел за ноутбуком. Экран светился синим светом в полутьме комнаты. На нем был открыт текстовый документ. Пустой лист с мигающим курсором ждал своего часа. Это было не домашнее задание. Это был манифест.

Пальцы зависли над клавиатурой. С чего начать исповедь человека, который собирается совершить непоправимое? С детства? С отца-алкоголика? Или с того момента, как система проглотила его и выплюнула, даже не заметив?

«Вы никогда не замечали меня», — напечатал он и тут же стер. Слишком жалобно. Жалость ему больше не нужна.

«Я пишу это не для вас. Вы недостойны моих объяснений».* Звучит лучше. Высокомернее. Так должен говорить монстр.

Но правда заключалась в том, что он писал именно *для них**. Для Брендана. Для профессора Хендрикса, который видел в нем лишь статистику посещаемости. Для Эмили, чье разочарование ранило сильнее любого удара. Он хотел, чтобы они прочитали это. Поняли. Испугались задолго до того, как увидят дуло винтовки.

Его размышления прервал звук уведомления. Сообщение

в университетском чате курса. Группа «Био-101: Общая биология».

Брендан Уолш: Народ, завтра вечеринка у меня дома. Приходите все! Особенно тебя приглашаю, фрик. Посмотрим, может, научишься нормально общаться с людьми, а не драть на свои пробирки.

Смех. Десятки эмодзи с поднятыми вверх пальцами. Сердце Итана пропустило удар. Приглашение? Насмешка. Попытка выставить его посмешищем на публике. Показать всем, какой он жалкий, если вдруг решит прийти.

Он перевел взгляд на соседнюю вкладку браузера. Там была открыта страница закрытого форума. Темный дизайн, анонимные ники. Раздел, посвященный оружию и трагическим событиям в учебных заведениях. Он заходил сюда не первый месяц. Читал дневники других стрелков, изучал их мотивы, анализировал ошибки. Здесь его понимали. Здесь никто не называл его «фриком». Здесь он был исследователем, изучающим феномен социального отторжения.

Он перечитал свой манифест еще раз. Сухие факты, обиды, перечисление унижений. Текст не дышал. В нем не было силы. Он звучал как жалоба школьника директору. Это не сработает. Они не проникнутся.

Нужно было добавить кое-что другое. То, что он увидел в глазах Брендана и его дружков. То, что он чувствовал внутри себя, когда отец бил его. Власть. Абсолютная, пьянящая власть над чужой жизнью и страхом.

Он удалил весь написанный текст одним нажатием клавиши `Ctrl+A`, затем `Delete`.

Вместо этого он открыл новый файл и написал всего одно слово: **ОЧИЩЕНИЕ**

Это было оно. Идеальное название. Не месть. Мечь — слишком личное, мелочное чувство. Очищение — это миссия. Это избавление мира от заразы. От фальшивых улыбок, от лицемерия, от тех, кто считает себя вправе решать, кому жить, а кому существовать в роли боксерской груши.

Следующие три дня он не ходил на занятия. Он готовился. Планирование успокаивало. Покупка оружия через даркнет заняла неделю и стоила всех его сбережений, заработанных репетиторством по математике. Он выбрал полуавтоматическую винтовку. Надежную, простую. Инструмент.

Он съездил в университетский кампус поздно ночью. Прошел мимо аудитории 205. Заглянул внутрь. Представил план расстановки столов. Прикинул траектории бегства жертв. Нашел подсобное помещение, примыкающее к стене аудитории. Замок там был хлипким. Он купил набор отмычек. Тренировался дома до мозолей на пальцах.

Каждый шаг был выверен. Каждое действие лишало его последних остатков страха и возвращало то самое чувство контроля, которого он был лишен всю жизнь. Впервые он чувствовал себя сильным. Сильным настолько, что мог щелчком пальцев изменить судьбы десятков людей.

На четвертый день он вернулся к манифесту. Теперь слова лились сами собой. Это уже не была жалоба. Это был приговор. Холодный, логичный и безжалостный. Он описывал свое детство, травлю, предательство системы, которая игнорировала жалобы. Но главное — он описывал *будущее*.

«Вы говорите о безопасности, но ваша безопасность построена на костях таких, как я. Тех, кого вы называете мутантами, психами, фриками. Сегодня ваш мир сгорит. И из пепла родится нечто новое. Чистое. Без вашего гнилого лицемерия».

Он закончил писать под утро. Распечатал текст на принтере в круглосуточном копи-центре на другом конце города. Двадцать страниц. Его наследие.

Вернувшись домой, он достал винтовку из тайника в шкафу. Положил её на стол рядом с распечатанным манифестом. Два символа его новой личности. Убийца и идеолог.

Он взял оружие в руки. Оно было тяжелым. Непривычным. Он прицелился в стену, представляя на месте облупившейся краски лицо отца. Затем — ухмыляющуюся физиономию Брендана. Щека легла на холодное пластиковое цевье. Палец коснулся спускового крючка.

Внутри не было ни сомнений, ни колебаний. Только звенящая пустота и ледяное спокойствие. Он сделал глубокий вдох.

Завтра вторник. Лабораторная работа в паре.

Детектив Рид внимательно наблюдал за лицом задержанного. Пока Итан говорил, маска отстраненности сползла. Юноша оживился, жестикулировал, глаза горели лихорадочным блеском. Он заново переживал моменты своей «великой подготовки». Это был классический симптом нарциссической травмы — упивание моментом собственного могущества, пусть и мнимого.

— Значит, ты тренировался, — утвердительно сказал Рид, прерывая затянувшуюся паузу. — Ты приезжал туда ночью. Осматривал место. Готовил себе путь отхода или, наоборот, позицию...

— Укрытие, — поправил Итан, глядя на детектива с вызовом. — Я подготовил укрытие. Подсобка. Никто бы не нашел меня там до начала лекции. Я всё продумал. Каждый шаг. Я был архитектором этого дня.

Рид откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди.

— Архитектором, значит. Красиво сказано. Но знаешь, что интересно в работе архитектора, Итан? Когда здание построено, люди видят только фасад. Они не видят чертежей, расчетов, кучи строительного мусора. Им плевать на процесс. Их интересует результат. И твой результат... он плачевен. Ты не довел дело до конца.

Итан дернулся, как от пощечины.

— Я сделал достаточно! Я заставил их бояться!

— Кого? — жестко спросил Рид, подавшись вперед. — Профессора Хендрикса? Он жив. Девушка, Эмили... она выжила. Она сейчас в больнице, ей делают операцию, но она будет жить. Ты промахнулся. Ты создал хаос, шум, панику. Но ты не совершил правосудие, которое так жаждал. Ты просто напугал толпу. А толпа забудет. Через год они будут вспоминать этот день как страшный сон, но они останутся теми же самыми людьми. Ты изменил их жизни на час. А свою — навсегда.

Слова детектива били точно в цель. Итан побледнел еще сильнее, хотя казалось, что дальше уже некуда. Огонь в его глазах потух, сменившись растерянностью.

— Нет... — прошептал он. — Я слышал выстрел. Я думал...

— Ты думал, что убил кого-то, потому что хотел этого, — отрезал Рид. — Потому что твоя фантазия требовала крови. Но реальность оказалась другой. Ты стоял там, с оружием в руках, готовый стать богом смерти... и струсил. В последний момент ты посмотрел на неё. На Эмили. И нажал на курок, но рука дрогнула. Ты не убийца, Итан. Ты трус, который играл в очень опасную игру и проиграл.

Итан закрыл лицо руками. Его плечи начали трястись. Детектив Рид слушал глухие, сдавленные рыдания. Он не испытывал сочувствия. Он выполнил свою работу. Он сломал миф, который этот мальчик строил месяцами. Миф о собственном величии.

Рид встал, выключил диктофон и направился к двери.

— Завтра придет адвокат, — бросил он через плечо. — Будет много разговоров про временное помешательство и детскую травму. Но мы оба знаем правду. Ты сделал свой выбор. Живи теперь с этим.

Дверь закрылась, оставив Итана одного в холодной тишине допросной. Он остался наедине со звуком единственного выстрела, который эхом отдавался в его голове, доказывая правоту детектива. Он не стал архитектором нового мира.

Он просто разрушил старый, ничего не построив взамен.

Глава 4. Цена выстрела

Тишина в камере предварительного заключения была абсолютной, почти физически ощутимой. Она давила на уши, заставляя слышать только один звук — эхо того самого выстрела. Не сухой щелчок из пролога, а глухой удар пули о дерево и последовавший за этим крик боли.

Итан лежал на узкой металлической койке, свернувшись в позе эмбриона. Слезы давно высохли, оставив на щеках солёные дорожки, но внутри него бушевала буря. Слова детектива Рида раз за разом прокручивались в голове, разрушая фундамент, который он так долго строил.

«Ты трус, который играл в очень опасную игру и проиграл».

Это было правдой. Горькой, унижительной правдой. Он представлял этот момент тысячи раз: как входит в аудиторию, как их лица бледнеют от ужаса, как они умоляют его о пощаде. В его фантазиях он был хладнокровным божеством, вершителем судеб. А что получилось в реальности? Паника, хаос и один-единственный выстрел, который не убил, а лишь покалечил. И всё потому, что он посмотрел ей в глаза.

Эмили. Её образ теперь был осквернён. Сначала жалостью, потом ужасом, а теперь... теперь она стала живым до-

казательством его провала. Она выжила. Она будет жить с пулей в ноге, а он будет жить с осознанием того, что дрогнул. Детектив был прав: он изменил их жизни на час, а свою — навсегда. Но не так, как планировал. Он не стал легендой. Он стал просто ещё одним неудачником-недоучкой со сломанной психикой, которого запрут в тюрьме до конца дней.

Дверь камеры лязгнула, вырвав его из оцепенения. На пороге снова стоял детектив Рид. На этот раз без диктофона. Просто два человека в пустой комнате для допросов.

— Поднимайся, Коул, — голос Рида звучал буднично, словно он приглашал его на чашку кофе, а не на продолжение психологической пытки. — Пора поговорить начистоту.

Итан медленно поднялся. Ноги были ватными. Его снова усадили на тот же стул, напротив того же стола. Рид сел напротив, положив перед собой тонкую папку с документами.

— Я навёл справки, — начал детектив, открывая папку. Он достал оттуда несколько распечатанных страниц. Это был психологический профиль, составленный университетским консультантом полгода назад. — Ты обращался за помощью. За полгода до... сегодняшнего дня. Вот здесь написано: «Пациент демонстрирует признаки острой социофобии, посттравматического стрессового расстройства на фоне семейного насилия и подавленной агрессии».

Рид поднял взгляд на Итана. В его глазах не было сочувствия, только холодный анализ.

— Почему ты остановился? — спросил он напрямую. — У

тебя было время сделать второй выстрел. Пока толпа ломилась в двери, пока все прятались под столами. Ты мог убить профессора Хендрикса. Мог добить её. Но ты этого не сделал. Ты бросил винтовку. Почему?

Итан молчал. Он смотрел на свои руки, скованные наручниками. Вопрос жёг изнутри. Ответ был постыдным, но это была последняя правда, которую он мог себе позволить.

— Потому что я увидел её лицо, — едва слышно прошептал он. — Когда я обернулся... она не кричала. Она смотрела на меня. И в её взгляде не было ненависти. Был только вопрос. *За что?*

Детектив кивнул, будто ожидал именно такого ответа.

— Именно. Человеческий фактор. Вся твоя подготовка, твой манифест, твои планы... всё это разбилось о реальность. О реальный страх и реальную боль живого человека. Ты хотел наказать монстров из своих фантазий, а ранил девушку, которая однажды проявила к тебе доброту.

— Доброту?! — Итан резко вскинул голову. В его голосе зазвенела истерика. — Её доброта была хуже издевательств! Она жалела меня! Я видел это в библиотеке! Я не жертва, которой нужна спасительница! Я...

— Кто? — жестко перебил его Рид. — Кем ты себя возмнил? Богом? Судьей? Ты обычный парень, которому причинили много боли. И вместо того, чтобы бороться с ней или принять помощь, ты решил умножить её. Ты переложил свою боль на других. На тех, кто был рядом.

Рид встал и обошел стол, остановившись прямо перед Итаном. Он наклонился, опираясь руками о спинку стула, и заговорил тише, почти интимно:

— Знаешь, что самое паршивое в твоей истории, сынок? То, что ты даже не понимаешь главного. Эмили Картер не смеялась над тобой. Брендан Уолш — да, он идиот, продукт своего окружения. Но она... она пыталась протянуть тебе руку. А ты оттолкнул её, потому что испугался нормальных человеческих отношений. Проще быть злодеем, чем признать, что тебе страшно подпустить кого-то близко.

Слова детектива били наотмашь точнее, чем любой кулак отца. Итан почувствовал, как к горлу подступает ком. Всё, во что он верил последние месяцы, рушилось. Его великая миссия оказалась не возмездием, а отчаянным, больным криком одинокого ребенка, который заблудился в темноте и сам себя там запер.

— Что мне теперь делать? — голос Итана сорвался. Это был вопрос не убийцы, а потерянного мальчика.

Рид выпрямился и посмотрел на часы.

— Ждать адвоката. Потом суда. Психиатрической экспертизы. Тебе предстоит долгий путь, Итан. Очень долгий. И первое, что тебе придется сделать — это перестать лгать самому себе. Признать, что ты не архитектор. Ты — здание, которое рухнуло под собственным весом. И теперь тебе предстоит разгребать завалы.

Рид направился к выходу. У самой двери он остановился.

— Кстати, — бросил он через плечо. — Она спрашивала о тебе.

Итан замер.

— Кто?

— Эмили. В больнице, после операции. Перед тем как уснуть от наркоза, она спросила медсестру: «Он... он в порядке?». Она переживала не за себя. Она переживала за тебя.

Дверь закрылась, оставив Итана в оглушающей тишине. Последние слова детектива прозвучали как приговор страшнее любого тюремного срока. Мир перевернулся. Монстр, которого он создал, чтобы защититься, оказался всего лишь хрупкой оболочкой, скрывавшей глубокую, кровоточащую рану. И единственный человек, который мог бы помочь ему исцелиться, сейчас лежал на больничной койке из-за него.

Он закрыл глаза, и впервые за долгое время он не увидел ни вспышек гнева, ни планов мести. Он увидел лишь золотистые волосы и полный непонимания взгляд девушки, чью жизнь он разрушил своей попыткой обрести контроль. Единственным звуком в наступившей тьме был тихий, безнадежный стон человека, наконец осознавшего всю глубину своего падения.

Глава 5. Судный день

Свет в зале суда был безжалостно ярким. Он заливал всё пространство стерильным белым сиянием, не оставляя ни единого шанса спрятаться в тени. Для Итана Коула этот свет был физическим воплощением внимания сотен глаз, направленных на него. Он чувствовал себя экспонатом под микроскопом.

Он сидел за столом защиты, одетый в нелепый серый костюм, который ему выдали адвокаты. Пиджак жал в плечах, а рубашка казалась сделанной из наждачной бумаги. Наручники с него сняли перед входом в зал, но ощущение скованности осталось. Руки он держал сцепленными на коленях, чтобы никто не видел, как они дрожат.

Зал гудел тихим, напряженным шепотом. Журналисты, родственники пострадавших, просто зеваки — все они пришли посмотреть на монстра. На того, кто посмел нарушить покой их идеального мира. Итан старался ни на кого не смотреть, уставившись в полированную поверхность стола перед собой. В ней отражались его собственные ботинки и кусочек лица. Бледная кожа, темные круги под глазами от недосыпа в камере. Он выглядел старше своих девятнадцати лет.

Судья, пожилая женщина с суровым лицом и седыми волосами, собранными в тугую пучок, ударила молотком, призывая к порядку. Шум стих.

— Подсудимый Итан Коул, встаньте.

Итан медленно поднялся. Его колени подогнулись, но он заставил себя выпрямиться. Теперь он видел весь зал целиком. Первый ряд занимала семья профессора Хендрикса. Сам профессор сидел в инвалидном кресле — пуля задела позвоночник, парализовав ноги. Он смотрел прямо на Итана, и в его взгляде не было ненависти. Только бесконечная усталость и горечь.

Дальше сидели другие студенты. Кто-то прятал лицо в ладонях, кто-то смотрел с вызовом. А в самом углу, у прохода, Итан увидел её.

Эмили Картер.

Она сидела в инвалидном кресле. Её правая нога была заключена в сложный металлический аппарат-ортез. Лицо девушки было бледным, осунувшимся, но глаза... глаза были ясными. Она не отвела взгляд, когда их взгляды встретились. Она просто смотрела на него так же, как тогда, в аудитории — с глубоким, непостижимым вопросом: *Почему?*

Сердце Итана пропустило удар, а затем ухнуло куда-то вниз. Комната поплыла перед глазами. Стыд, такой густой и обжигающий, что стало трудно дышать, накрыл его с головой. Детектив Рид был прав. Всё было зря. Это не принесло облегчения. Это не дало ему власти. Это оставило лишь выжженную пустыню из боли и разрушенных жизней, включая его собственную.

Начался процесс дачи показаний. Прокурор, высокий мужчина с резкими чертами лица, методично перечислял обвинения: покушение на убийство, причинение тяжкого вреда здоровью, незаконное хранение оружия. Список казался бесконечным. Каждое слово било по Итану, как молот судьи.

Затем пришла очередь свидетелей. Первым вызвали Брендана Уолша. Капитан футбольной команды шел к трибуне уверенной походкой, но его самоуверенность дала трещину, как только он принес присягу. Под взглядом судьи и объективами камер бахвальство слетело с него, оставив лишь испуганного молодого парня.

— Мистер Уолш, расскажите суду, какие отношения связывали вас с подсудимым? — спросил прокурор.

Брендан сглотнул.

— Ну... мы не общались. Я... я иногда шутил над ним. Как и над другими. В школе это называют буллингом, да?

Прокурор кивнул:

— То есть вы признаете, что систематически подвергали мистера Коула травле?

— Да, сэр. Признаю. Я был идиотом.

В зале прошелестел удивленный шепот. Итан поднял голову. Он ожидал оправданий, лжи, попыток выставить себя жертвой обстоятельств. Но Брендан говорил правду. Горькую, неприятную правду. Возможно, события того дня научили и его чему-то.

Следующей вызвали Эмили. Двое судебных приставов помогли ей добраться до трибуны. Каждый шаг давался ей с видимым трудом, сквозь сжатые зубы. Увидев её вблизи, Итан почувствовал физическую боль. Это сделал он. Этот шрам, эта хромота — его рук дело.

— Мисс Картер, — голос прокурора стал мягче, почти отеческим. — Вы помните утро вторника?

— Да, — её голос был тихим, но твердым. — Помню каждую секунду.

— Расскажите суду, что произошло после первого выстрела.

Эмили перевела дыхание. Она избегала смотреть на Итана, глядя куда-то поверх голов присяжных.

— Все закричали. Началась паника. Люди полезли под столы. Итан... мистер Коул... он стоял посреди этого хаоса совершенно неподвижно. Как статуя. Он водил стволом винтовки из стороны в сторону, но не стрелял. А потом он посмотрел на меня.

По щеке Эмили скатилась одинокая слеза, но она продолжала говорить.

— Я думала, он убьет меня. Я видела смерть в его глазах. Но потом... выражение его лица изменилось. Будто маска треснула. Он увидел не врага, а просто человека. И он бросил оружие. Просто уронил его на пол.

В зале повисла звенящая тишина. Адвокат Итана вскочил со своего места:

— Ваша честь! Прошу отметить это в протоколе! Мой клиент находился в состоянии аффекта, но в решающий момент проявил человечность и остановил насилие!

Судья стукнула молотком:

— Садитесь, адвокат. Мисс Картер, суд благодарит вас за показания. Вы можете быть свободны.

Когда Эмили проезжала мимо стола защиты обратно к своему месту, её кресло слегка качнулось. Она повернула голову и снова посмотрела на Итана. В этом взгляде больше не было вопроса «За что?». Там было что-то другое. Прощение? Или просто констатация факта: *«Мы оба сломаны»?*

Судебные прения длились вечность. Психиатры говорили о травме, адвокаты — о смягчающих обстоятельствах, прокурор требовал максимального срока. Итан слушал их вполуха. Реальность сузилась до одной точки. До образа Эмили, уезжающей из зала суда.

Наконец, судья предоставила последнее слово ему. Зал замер. Сотни пар глаз впились в него, ожидая раскаяния или безумных речей.

Итан встал. Ноги едва держали его. Он открыл рот, но слова застряли в горле. Что он мог сказать? Простите? Это сло-

во ничего не значило. Он посмотрел на свои руки, чистые сейчас, но навсегда запятнанные кровью в его сознании.

— Мне очень жаль, — прошептал он так тихо, что микрофоны едва уловили звук.

Это было всё.

Присяжные совещались всего час. Когда они вернулись в зал, старшина передал вердикт судье. Та надела очки и прочитала бумагу бесстрастным голосом.

— По обвинению в покушении на убийство... виновен. По обвинению в причинении тяжкого вреда здоровью... виновен...

Список продолжался. Каждое слово «виновен» падало на плечи Итана гранитной плитой.

Финальный приговор прозвучал через неделю. Стоя в том же зале перед тем же судьей, Итан услышал цифры, которые определяли остаток его жизни.

— ...приговорить к сорока пяти годам лишения свободы в тюрьме строгого режима. Право на условно-досрочное освобождение может быть рассмотрено не ранее чем через тридцать лет.

Сорок пять лет. Ему будет шестьдесят четыре, когда он выйдет. Если выйдет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.